

Мяо Саньнян, размышляя об этом, вскоре оттолкнула Фэн Циншуан, схватила лежащий неподалеку отрез ткани, который еще не успели раскроить, и швырнула его на балку:

— Я просто никому не нужна бедняжка, жизнь моя не имеет смысла, я лишь тяну вас на дно, лучше бы мне просто умереть.

Фэн Циншуан от увиденного побледнела, вцепилась в руку Мяо Саньнян, не желая отпустить:

— Ты нужна мне, нужна! Не делай глупостей, чего бы ты ни захотела — я на всё согласна.

Мяо Саньнян тут же обернулась. На ее ресницах еще дрожала слезинка:

— Ты правда это сказала?

Фэн Циншуан кивнула:

— Давай проведем церемонию бракосочетания сегодня вечером.

Мяо Саньнян вытерла слезы, перестала плакать, подняла с пола скомканную ткань и аккуратно сложила:

— Вот ведь, всё так внезапно, в доме ничего не готово.

Фэн Циншуан принялась помогать ей прибираться:

— Да, вышло поспешно, не обессудь. Может, отложим на другой день, чтобы всё подготовить как следует?

Мяо Саньнян и слышать не хотела о том, чтобы переносить свадьбу — кто знает, какие еще беды могут стрястись?

— Я выхожу за тебя не ради пышных торжеств, ничего страшного. Главное — наши чувства, а остальное не так важно.

Хотя они так говорили, всё же постарались хоть немного украсить комнату. Фэн Циншуан отыскала красные свечи, которые обычно доставали только на Новый год. К счастью, у них нашлись новые наряды, которые они еще не успели надеть — пусть и не красного цвета, но зато новые; в деревенских условиях такие скромные свадьбы случались часто.

Мяо Саньнян достала вино, оставшееся с прошлого раза. Бокалов в доме не нашлось, пришлось взять две чашки поменьше. Фэн Циншуан поспешила в город за мясом. Время было позднее, хорошего куска или жирной рыбы достать не удалось, но какой-никакой запас еды они собрали. Вернувшись, она увидела, что Мяо Саньнян машет ей:

— Я долго приглядывалась — давай сегодня нарежем ту курицу, у которой черное пятнышко на крыле. Она ест больше всех, а яиц почти не несет.

Фэн Циншуан отложила рыбу, поймала курицу, одним ловким движением — и птица уже в котле.

Ужин вышел на славу. Фэн Циншуан вспоминала, что за всю свою жизнь еще никогда не ела так вкусно — поистине, это было похоже на настоящий свадебный пир. Мяо Саньнян вырезала из красной бумаги иероглифы «Счастье» и наклеила их на двери и окна. Они не осмелились делать это открыто и подождали, пока стемнеет. В этот раз Мяо Саньнян не капризничала — она боялась, что если другие увидят, то могут возненавидеть Фэн Циншуан.

Сама Фэн Циншуан была другой: с малых лет она наслушалась насмешек и научилась не обращать на них внимания. Она была человеком отзывчивым, и все ее хвалили, но если бы из-за нее с кем-то обошлись так жестоко, она бы этого не перенесла.

Стол накрыли во дворе, уставив его угощениями. Фэн Циншуан зажгла свечи и благовония, обернулась к Мяо Саньнян. Та стояла такая послушная, совсем не похожая на ту женщину, что еще после полудня грозилась наложить на себя руки. Фэн Циншуан подошла и взяла ее за руку:

— Как только мы поклонимся небу и земле, мы станем настоящими супругами, благословленными самими небесами.

Всё было готово. Рыба и курица перекечевали со стола в желудки. А-Фу, виляя хвостом у порога, прыгал от возбуждения — он еще никогда не чувствовал дома таких ароматов.

Женщины склонились, опираясь руками на землю; каждый поклон был полон искреннего благоговения. Даже во время взаимных поклонов они сохраняли предельную серьезность, подолгу замирая в наклоне.

Поднявшись, Фэн Циншуан отряхнула пыль с колен Мяо Саньнян, затем — со своих. Она подошла к столу, сняла благовония и воткнула их у входа, а красные свечи перенесла в комнату.

Мяо Саньнян, запоздало смутившись, опустила голову. Фэн Циншуан потянула ее к столу, они вместе опустились на колени, выпрямили спины и трижды поклонились. Затем развернулись в сторону могил предков Фэн Циншуан и поклонились еще три раза. Напоследок они поклонились друг другу.

А-Фу, давно ожидавший во дворе, наконец дождался полной миски костей — куриных и рыбных, с остатками риса и овощей. Это было куда вкуснее, чем его обычная еда. Пес ел так торопливо, что повизгивал от удовольствия, чем вызывал смех у Фэн Циншуан и Мяо Саньнян.

Они перенесли стол и остатки еды в комнату. Еда уже остыла, но обе чувствовали, что это ничуть не испортило вкуса.

Щенки из двора, почуяв запах, прибежали следом, но им не удалось ничего отвоевать у матери. Только когда А-Фу наелся, им позволили доесть остатки, за что Фэн Циншуан в шутку отчитала А-Фу, называя его невоспитанным.

Умывшись, они сели на край кровати. Фэн Циншуан разлила вино по двум чашкам и протянула одну Мяо Саньнян:

— Выпьешь это вино, и пути назад уже не будет.

На лице Мяо Саньнян не было ни тени сожаления:

— Мы уже поклонились небу, земле и предкам, даже без вина назад дороги нет.

Они переплели руки и выпили. Мяо Саньнян, допив, начала ворчать:

— В будущем всё-таки надо купить винные кубки. Если будет радостное событие, пригодится. А так — две чашки, совсем не как свадьба, а будто двое разбойников побратались.

Фэн Циншуан взглянула на чашки:

— Зато из таких чашек больше выпьешь, значит, и близости у нас больше.

После чашки вина лица их порозовели. Мяо Саньнян, услышав такие слова, уже не язвила, как раньше, а выглядела как настоящая невеста, смущенная и робкая:

— Мы только поженились, какая у нас может быть близость?

Фэн Циншуан лишь улыбнулась, ничего не ответив, и легла в постель. Мяо Саньнян, сидя на краю, посмотрела на нее:

— Так и ляжешь спать?

Фэн Циншуан захлопала глазами, изображая невинность:

— Ты еще не хочешь спать?

Мяо Саньнян хотела было сказать: «Я же недавно намекала тебе на супружеский долг, неужели забыла?», но тут же подумала, что теперь они настоящие супруги. Пусть свидетелей не было, но небо видело их клятвы. С характером Фэн Циншуан она наверняка искренне считала их семьей, а формальности были не так важны.

Мяо Саньнян улыбнулась и легла рядом:

— Я тоже спать хочу.

Фэн Циншуан придвинулась вплотную, стараясь даже дышать осторожно. Слова, вертевшиеся на языке, не желали слетать с уст. Раньше Мяо Саньнян была невероятно чувствительна к таким моментам, и Фэн Циншуан ждала, что та сама спросит, чтобы ответить, но сегодня Мяо Саньнян, казалось, ни о чем не думала, закрыла глаза и была готова провалиться в сон.

Фэн Циншуан сжала зубы и всё же спросила:

— Можно я тебя обниму?

Мяо Саньнян уже наполовину спала, и этот вопрос вырвал ее из объятий Морфея. Она не сразу поняла, в чем дело, и растерянно переспросила:

— А?

Фэн Циншуан продолжила:

— Ты раньше говорила, что супруги должны спать в обнимку... — она внимательно следила за лицом Мяо Саньнян, боясь, что ее просьба покажется неуместной. Мяо Саньнян уже окончательно проснулась. Услышав это, она не разгневалась, а напротив — удивилась, что Фэн Циншуан так запомнила ее слова. Ничего не ответив, она сама повернулась на бок, нырнула в объятия Фэн Циншуан и обняла ее за талию.

Фэн Циншуан никогда прежде не была так близка с кем-либо. Она считала это обычным делом: раньше Мяо Саньнян часто бросалась к ней с объятиями, когда случалось что-то радостное. Но сейчас, то ли из-за того, что они были в постели, то ли из-за тонкой одежды, или из-за того, что они стали супругами, всё ощущалось иначе.

Она чувствовала себя невероятно счастливой. Ей хотелось прижать Мяо Саньнян крепче, но она боялась, что причинит боль этому хрупкому, словно тофу, созданию. Когда голова Фэн Циншуан уже начала кружиться от хмеля, Мяо Саньнян подняла на нее глаза:

— Ты правда раньше не считала меня женой? Всё, что я тебе говорила, ты запомнила, но сама додумалась обнять меня только сейчас.

Теплое дыхание Мяо Саньнян щекотало подбородок Фэн Циншуан, проникая под кожу, отчего у той разгорелась шея. Фэн Циншуан с трудом опустила взгляд и попыталась немного отодвинуться, чувствуя внутреннее противоречие: ей казалось, что она слишком близко, но в то же время — недостаточно. Сердце, прижатое к телу Мяо Саньнян, бешено колотилось.

Фэн Циншуан запаниковала от собственной реакции и не нашла, что ответить. Мяо Саньнян хотела было подшутить, но, глядя на ее ошарашенный вид, придвинулась еще ближе и прошептала:

— Твое сердце так быстро бьется.

Фэн Циншуан вспыхнула, как пожар, и едва выговорила:

— Ты... ты слышишь?

Мяо Саньнян не удержалась и рассмеялась, ее смех ослепил Фэн Циншуан. Она решила поддразнить ее:

— Конечно.

Фэн Циншуан слегка отстранилась:

— Прости.

Мяо Саньнян снова прильнула к ней:

— За что извиняешься? Разве это не нормально, когда супруги смущаются и волнуются?

Фэн Циншуан решила, что она права, но всё же чувствовала: у них должно быть иначе. «Мы же... мы...» — фраза «мы обе женщины» никак не желала слетать с губ. Да и, в конце концов, какая разница, что они обе женщины, если это не мешает им быть супругами?

Мяо Саньнян догадалась, о чем она думает, и, видя такое выражение лица, лишь позабавилась:

— Что «мы»?

Фэн Циншуан тихо ответила:

— Мы — супруги.

Мяо Саньнян не ожидала, что та так быстро придет к такому выводу. Обрадовавшись, она потянулась вперед и чмокнула Фэн Циншуан в подбородок:

— Верно. Это тебе награда.

Сердце Фэн Циншуан, едва успокоившись, снова забило в ритме барабанной дроби. Она поняла: как бы она ни смотрела на вещи раньше, сейчас, обнимая Мяо Саньнян, она уже не была так чиста в своих помыслах. Фэн Циншуан подумала, что, возможно, она изменилась уже давно, только не знала, когда и где это началось. К счастью, они уже поженились.

Фэн Циншуан не собиралась убегать. Мяо Саньнян твердила ей о супружестве каждый день, и теперь она спокойно приняла свои чувства. Хотя, осознав всё, она стала еще беспокойнее.

— Не зря говорят, что брачной ночи ждут с нетерпением, а на следующее утро трудно подняться. Как тут уснешь, когда мы вот так обнимаемся? — рассуждала Фэн Циншуан, и Мяо Саньнян, услышав это, не удержалась и прыснула со смеху.

<http://bllate.org/book/21325/2163260>